

Лит. газ. - 1994. - 13 апр. - с. 3.

НАША СТРАНА живет сегодня без какой-либо осознанной перспективы своего развития – особенно в области культуры.

Между тем Россия – великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, науки. Не будем доказывать то, что и так ясно. Обращу внимание только, что эта “великость” России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути.

Отсюда ясно: если Россия не стремится стать чем-то вроде объединения восточных эмиратов, а желает и впредь быть страной подлинно великой и “желанной” для всего человечества, она должна прежде всего развиваться, поддерживать свою культуру.

Так начинаются заметки, которые предложил редакции академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Это, можно сказать, набросок некоей концепции развития отечественной культуры. И соприкасаются он со столь широким кругом проблем нашей жизни, что возникло желание многое прокомментировать, конкретизировать, расширить. С известным ученым и писателем встретился корреспондент “ЛГ” по Санкт-Петербургу. Так родилась эта публикация – своеобразный “гибрид” статьи и интервью.

– Дмитрий Сергеевич, если провести краткий текстологический анализ ваших заметок, наиболее часто употребляемыми словами окажутся, наверное, “должен”, “должно”, “должны”. Страна должна развивать и поддерживать свою культуру. Учитель в школе должен не только учить, но и воспитывать, для этого он должен быть сам творческой личностью. Должно быть восстановлено уважение к интеллигенции – “не просто к людям умственного труда, а к той части интеллигенции, которая творит культуру, создает литературу, а не чтиво, создает музыку, исходящую из великих традиций, а не шумную барabasность, баллот, а не просто танцевальную акробатику...” Все справедливо. Но для решения выдвигаемых вами задач недостаточно одного лишь их осознания. Нужны средства, и немалые. А где их взять? Экономика страны в глубоком кризисе, все кругом друг другу должны – в самом грубом материальном смысле этого слова. До культуры ли тут?

– Дела не так плохи, как это порой кажется. Трудностей много, но появляются и обнадеживающие признаки. Вы не замечали, как мало-помалу стал меняться ассортимент книг на уличных лотках? “Чтива” по-прежнему полно, но все больше появляется серьезной литературы. Не только художественной – и научной, и философской. Частные издательства печатают труды Карсавина, Лосского, Издательство “Северо-Запад” начало реализовывать большую программу по выпуску отечественной и мировой классики. Стихотворения Блейка и Киплинга увидели свет двуязычным изданием – английским оригиналом параллельно с русским переводом. О чем все это говорит? О том, что издатель, встан на ноги, может позволить себе жить не одним лишь сегодняшним днем, вкладывать капитал в долгосрочные предприятия. Именно так поступали серьезные издатели прошлого: они работали не только на прилавок, но и на склад. Когда в 1914 году я пошел в старший пригостительный класс гимназии, мы с отцом отправились в книжный магазин Маркса – он помещался на углу Невского и Морской, там и сейчас книжники торгуют – и купили одностомный классик: Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Это были специальные “гимназические” издания, которые появлялись всякий раз к началу учебного года и распродавались в эти дни в огромном количестве. А все остальное время тихо ждали своего часа на складе. До сих пор помню, с какой гордостью я укладывал приобретенное в свою книгохранилище – вы знаете, что это такое? Такая специальная складная папочка для книг, во многих семьях ее предпочитали традиционному ранцу.

Возвращаясь к переменам на нашем книжном рынке, хочу еще раз подчеркнуть: это события внешне малозаметные, но значение их велико. Мы видим воочию: есть люди, желающие и умеющие работать на благо нашей культуры. И располагающие для этого определенными материальными возможностями. Тем важнее определить, за что встать в первую очередь. Кстати, одним из приоритетных направлений как раз и должен стать выпуск доступных изданий отечественной и мировой классики, адресованных юношеству. Хочу напомнить, что именно в дни отрочества и юности закладываются основы интеллигентности человека. Сейчас даже у интеллигентных родителей нередко вырастают неинтеллигентные дети. Хотя, казалось бы, все у них в порядке, включая аттестат об окончании средней школы. Как видно, что-то важное в школьные годы было упущено. Мы вообще как-то растерялись в последнее время: какую же все-таки цель ставит перед собой среднее образование? Долгие годы ответ был ясен: школа готовит молодых людей к поступлению в высшие учебные заведения. В другое время на свой лад пытался ответить на тот же вопрос тогдашний глава Ленинградского обкома партии Романов

среднее образование при нем было ориентировано на овладение рабочими профессиями, “обычную” школу заметно потеснили различные ПТУ. Система эта провалилась: нельзя же в самом деле чуть ли не с младенчества “привязывать” еще далеко не сложившегося человека к профессии! Какова же задача школы сегодня? Может быть, она как раз в том и состоит, чтобы растить интеллигентных людей любой профессии, даже ручного труда?

– Справится ли сегодняшняя школа со столь высокой миссией?

– Чтобы решить задачу, надо ее сначала поставить. Точно сформулировать. Потом искать пути решения. Искать новое. И “хорошо забытое старое”. Нам есть что вспомнить. Даже известные “суды” над литературными героями, практиковавшиеся в школе двадцатых годов, далеко не всегда были так уж смешны и нелепы. Я уж не говорю о том, что нам предстоит “реабилитировать” – вслед за генетикой и кибернетикой – еще одну “репрессированную” науку: педологию.

все не обязательно “сторонний”. Если при вас ударят женщину, вы обязаны вмешаться. И прибегнуть к силе. К насилию по отношению к тому, кто сам сотворил насилие.

– Значит, все-таки “добро должно быть с кулаками”?

– Ну, не совсем так. Кулаки нередко обладают свойством чесаться и провоцировать насилие даже там, где оно не является необходимым. Я же говорю о насилиии необходимом, если хотите – вынужденном. О таком, к какому прибег Христос, когда бичом изгнал торгующих из храма.

– Ваша подпись стояла под известным обращением группы интеллигентов к Президенту России с призывом занять твердую позицию и не допустить реставрации прошлого. Этот документ расценили как призыв к насилию не только “духовная оппозиция”. Вот и писатель Владимир Максимов, сам бывший диссидент, весьма резко отзывается об авторах письма. Есть там упрек и персонально в ваш адрес.

– Так ведь была реальная угроза. Были – со стороны тогдашней так называемой

что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимы особые органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т.д.)

– Иначе говоря: обществу с низкой культурой постоянно грозит сползание к тоталитаризму. Более сильный аргумент “в пользу” культуры трудно себе представить. Но мы начали с того, что Россия – страна великой культуры. Казалось бы, от ужасов тоталитаризма это должно гарантировать. Между тем с тоталитарными системами мы знакомы достаточно хорошо. И никто не решится сказать, что вовсе гарантированы от них в будущем.

– Культура – понятие сложное, многослойное. Культура пронизывает все стороны жизни страны: это и поведение на улице, и система хранения и изучения культурных ценностей, и отношение к наукам, особенно фундаментальным, и уровень телевизионных передач, и, конечно, литература и искусство. Различные элементы культуры развиваются неравно-

европейского типа. Я бы сказал, в Европе сложилась определенная модель “университетской” цивилизации, распространявшаяся затем и в Азии, и в Америке. Отличительная черта этой модели – способность вбирать в себя, осваивать достижения других культур и цивилизаций. Недаром слово “университет” родственно слову “универсум” – мир, Вселенная. На необъятных просторах России университеты располагались не столь густо, как в Западной Европе, зато у нас возникло нечто свое, специфическое, – Академия наук. Европейские академии – это совсем другое. А наша представляла собою тоже своеобразную модель мира. В ее подразделениях изучались и изучаются, в числе других предметов, и азиатские культуры. В России сложились замечательные школы арабистики, тюркологии, угро-финноведения, китаеведения, гебраистики. В этом, и только в этом, смысле мы – “евразийцы”. И нашу академию мы безусловно должны хранить и беречь.

Но культура не сосредоточена только

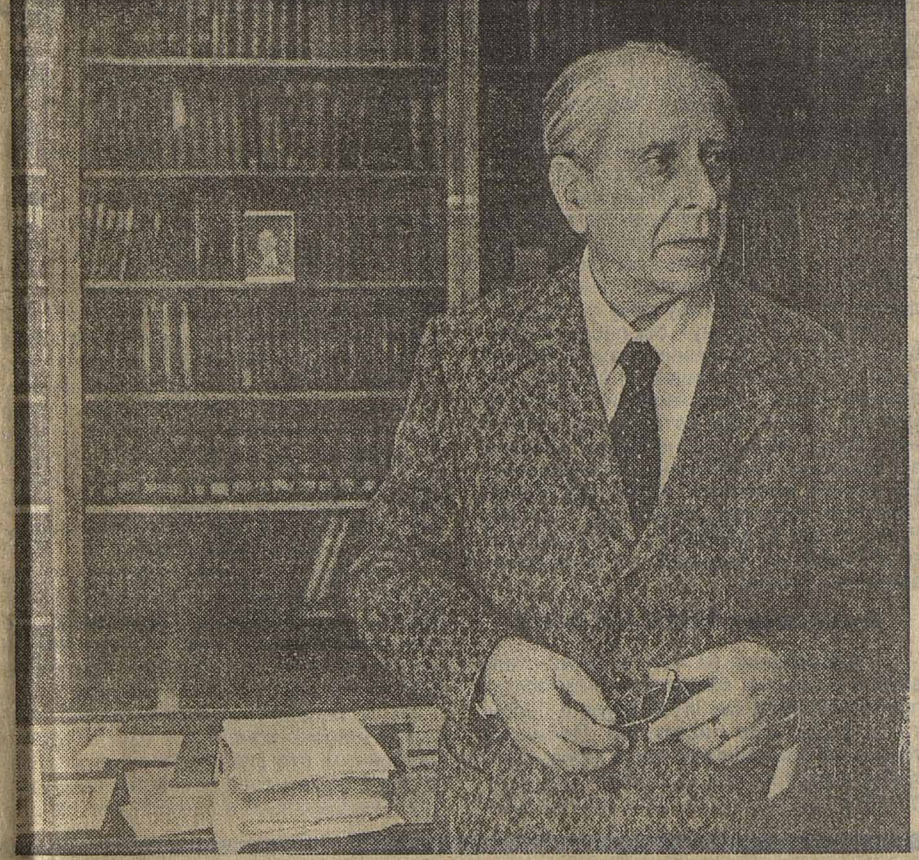

Фото Михаила ЛЕМХИНА

Академик Дмитрий ЛИХАЧЕВ: Великая культура примирительна по своей сути...

– Вот уж о ней-то мы действительно слышали на сугубо анекдотическом уровне...

– И напрасно. Педологи были серьезными учеными. Потому-то их и разогнали. Их идеи приходили в конфликт с официальной идеологией. Говорили также, что педологические тесты весьма неудовлетворительно прошел сын вождя народов, что вызвало гнев на головы ученых. С одним из видных педологов – Александром Петровичем Суховым – мне довелось встретиться в Соловках. И даже прослушать там курс его лекций. Никогда не забуду, в какой обстановке они проходили. Мы собирались на сцене знаменитого лагерного театра. А зрительный зал, отделенный от нас занавесом, был спешно отведен под лазарет – на острове разразилась эпидемия, кажется, тифа. К нам доносились хрипы и стоны умирающих. А мы, как могли, “просеивали” друг друга. Тифлисский искусствовед Афанов читал нам лекции о музыке. Я рассказывал о допетровском театре. Александр Петрович – о проблемах “вишневости” в театре и в жизни, о законах поведения толпы, о природе массовых психозов. С официальной идеологией, с ее лицемерным культом “народа, который всегда прав” все это действительно плохо вписалось. Но в жизни мне очень помогло. Когда в дальнейшем я оказывался свидетелем – а порой и объектом всяческих гонений: на формалистов, на космополитов и так далее, – я воспринимал их как своего рода иллюстрацию к лекциям Сухова. Потому что черты массового психоза там были определенно налично. Не следует думать, что подобными кампаниями двигал лишь холодный, трусливый расчет, что все “клеветники” как один думали одно, а говорили другое. Нет, были и совершенно искренние люди, буквально “воспламенявшиеся” друг от друга. Был “эффект стаи”, дружно загоняющей в угол свою добычу. Наблюдать это было страшно, но во то же время чрезвычайно интересно. Вообще должен сказать, что умение в какой-то момент занять позицию наблюдателя – а этим умением я тоже во многом обязан Сухову – нередко помогало мне в жизни.

– Но ведь позицию “стороннего наблюдателя” принято осуждать...

– Хорошо, давайте заменим слово “наблюдатель” словом “свидетель”. Кто может быть ценнее, когда нужно установить истину, чем беспристрастный свидетель? Учтите притом: беспристрастный – не значит бесстрастный, наблюдатель – во-

мной оппозиции – призывы к бунту, к насилию. У меня и сейчас нет сомнения в том, что обращение к президенту надо было подписывать. Хотя ставил я свою подпись, естественно, не с легким сердцем.

Вообще говоря, необходимость прибегать к силовым методам – это, как правило, результат каких-то упущений в прошлом. Где-то что-то не сделали, что-то сделали не так – и подвели ситуацию к опасной черте. Я бы даже сказал так: насилие на государственном уровне – это чаще всего плод непрофессионализма правителей. Почему вскоре после революции страну захлестнула волна насилия? Ведь сама революция была почти бескровной, многие жители столицы даже “не заметили” ее в тот день, когда она произошла. И гражданская война началась не сразу, а после некоторой паузы. Почему же она все-таки началась и стоила такой крови? Потому что непрофессионалы-правители не могли по-другому справиться с обступившими их проблемами. Ведь кто пришел к власти? По преимуществу – журналисты, публицисты...

– В одной из европейских газет писали тогда – даже с оттенком одобрения, – что первое советское правительство по числу книг, написанных его членами, стоит далеко впереди всех других...

– Но писание книг и управление государством – это все-таки разные вещи. Хотя, конечно, есть своя закономерность в том, что на первом этапе больших социальных перемен на виду оказываются пишущие люди. Их имена известны, их формулировки хлестки, они убедительно критикуют старый режим – и кажется, что уж они-то знают, как жить дальше. Нечто подобное было и в первые “перестроечные” годы: писатели и журналисты в массовом порядке потянулись к рычагам управления. Потом этот крен выправился. Но до благополучия еще далеко, потому что настоящих профессионалов управления еще крайне мало.

– В ваших заметках есть одно поразившее меня место. Вот оно:

“Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый “доход” в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное – управление страной становится более умным, ибо у умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства, то понимать это следует не в том смысле,

мерно. Если в культуре “высокой” мы находимся на уровне высших мировых достижений, то в культуре бытовой, повседневной отстаем от многих цивилизованных стран. Нам незачем льстить своему народу: при всех его выдающихся качествах он нередко проявляет склонность ко всяческим крайностям, анархическому налету, хулиганству, скандалу. – Кстати, не знаю ли, в частности, объясняется успех Жиринского? Отчасти сегодня это реакция на семь десятилетий скудной, регламентированной жизни. Мы скудно жили, скудно сажали друг друга – и вдруг выявилась возможность разгуляться на воле! А волю всяк понимает по-своему. И немудрено, что, скажем, в атмосфере разгула уличной преступности кто-то всерьез затоскует о “сильной руке” и о “сильных мерах”.

– Итак, бескультурье прокладывает дорогу тоталитаризму, тоталитаризм убивает культуру. Что же, так и не вырваться из этого порочного круга? Есть ли выход?

– Выход есть. И как раз сейчас судьба предоставляла нам замечательный исторический шанс. Мы не используем его, если пренебрежем интересами развития нашей культуры. Знаю, вы опять скажете: нужны средства. Но давайте начнем с самого простого. Давайте при составлении всяческих планов, бюджетов и других важных документов ставить культуру не последним разделом, а первым. Я даже не говорю сейчас о значительном увеличении государственных ассигнований на ее нужды. Но давайте сломаем стереотип. Уверен, уже это принесет свои плоды.

– В статье “О русской интеллигенции”, напечатанной в “Новом мире”, вы, в частности, полемизируете с тезисом о синтетическом “евразизме” русской культуры, настаивая на том, что русская – или, может быть, вернее сказать: российская? – культура одна и в Петербурге, и во Владивостоке. И культура это европейская, европейского типа. Но, признав этот тезис, не “отлучим” ли мы себя тем самым от Азии и ее судьбы? Минувшей осенью в Японии у меня был спор на эту тему с одним университетским профессором. Он как раз так и рассуждал: вы, русские, – европейцы, носители “атлантической”, христианской цивилизации, здесь, в Азии, вы – пришельцы, колонизаторы. Исторические народы этого континента тяготеют к бассейну Тихого океана. Профессор размышлял сугубо теоретически, не делая никаких выводов политических характера. Но при известных обстоятельствах “интерпретаторы” могут найтись...

– Тип культуры и сложившиеся географические границы – разные вещи. Те же японцы свою современную культуру строят по европейскому образцу. Разумеется, сохраняется много национальных черт. Но их университеты – университеты

в университетских и академических центрах. Культуру нельзя развивать, ориентируя ее на два или три гигантских города, слабо связанных со всей “остальной” страной. Должно быть приоткрыто разбужение таких городов, как Москва и Петербург, еще и потому, что в их каменных джунглях антикультура растет быстрее, чем собственно культура.

Должен сказать, что я возлагаю большие надежды на малые российские города. В небольших городах люди живут теснее друг к другу, они менее испорчены, здесь лучше сохраняются традиции. И, что очень важно, здесь виднее, “кто есть кто”.

В больших городах труднее складывается общественное мнение о человеке, его репутация. Где и как это мнение складывается? Разумеется, в общественных же организациях прежде всего. И, разумеется, в условиях полной свободы высказываний – устных и печатных. Нельзя не радоваться тому, что общественная жизнь в последнее время заметно оживилась и в малых городах. Таких, как, например, Старая Русса с ее конференциями по Достоевскому, имеющими уже международный резонанс. Или совсем маленький Мышкин на Ярославине, где в уютной и красивой Опочининской библиотеке собираются завязые мышкинцы, чтобы справить юбилей кого-либо из русских писателей, посмотреть новую тематическую выставку, познакомиться с новыми книгами. В этом маленьком городке тщательно оберегают его историческое лицо от натиска современной безликой архитектуры. Там есть единственный в мире музей мысли – милая столица мышинового царства, охотно посещаемая и взрослыми, и детьми. Запасы духовности в нашей провинции по-прежнему велики. И чувства юмора – тоже.

Я давно пропагандирую идею создания цепочки небольших городов между Москвой и Петербургом, связанных между собой скоростной магистралью. Идея скоростной магистрали приятна, а цель, ради которой она предлагалась, забыта. А состояла она в том, что жители небольших городов, располагающихся вдоль скоростного пути, не будут чувствовать себя в отрыве от большой культуры, смогут ездить в Москву или Петербург в театры, музеи, даже работать и учиться в этих городах, не теряя вместе с тем связи с природой, друг с другом. Специалисты говорят, что технически такая идея вполне осуществима.

Наконец, не следует забывать, что наряду с городской в России всегда существовала и деревенская, крестьянская

культура. На долгие годы мы как бы “забыли” о ней. Лишь в самое последнее время появилась группа ученых – главным образом ученых М.М.Громыко и А.И.Копанева, – которые обратили внимание на культуру крестьянства: не на этнографические и фольклорные ценности, а на культуру в широком смысле слова, культуру труда в первую очередь. Хочется назвать здесь такие книги, принадлежащие перу Н.А.Миненко, как “История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма” (1986, тираж 500 экземпляров), “Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян в Сибири XVIII – первой половине XIX в.” (1991, тираж 1500 экземпляров), “Культура русских крестьян Зауралья: XVIII – первой половины XIX в.” (1991, тираж 900 экземпляров). Хотя бы какой-то из наших журналов догадался перепечатать главы из этих малотиражных книг – они не только по-настоящему увлекательны, но и по-настоящему, практически полезны для тех же современных фермеров!

– Но крестьянская – да и не только крестьянская – культура России была на протяжении многих веков связана с религией. Сейчас происходит возвращение религии в нашу повседневную жизнь. Не могу не сказать, что далеко не все в этом процессе радует. Оживают самые дикие суеверия, возникают изуверские секты...

– И религия должна быть на высоте культуры. И подготовка священнослужителей должна быть на уровне требований времени. Когда достаточно высокий педарх всерьез ссылается, пусть и с некоторыми оговорками, на “Протоколы сионских мудрецов” – заведомо, многократно разоблаченную провокационную фальшивку, – это, конечно, недопустимо. Что же касается суеверий, то, имейте в виду, религия всегда считала их грехом. Я с детства усвоил: бояться черной кошки, считать, что нельзя обмениваться рукопожатием через порог, не только глупо, но и грешно. Ибо это пережиток язычества.

Но сегодня церковь зачастую вполне или не вполне поддерживает суеверия. Совершаются, например, ритуалы “изгнания бесов”. В газетах были сообщения, что в Кемерове “очищали” подобным образом здание бывшего обкома партии.

– Это говорит о невежестве и “заказчиков”, и “исполнителей”. Так же как повсеместные “освящения” всего и вся, вошедшие одно время в моду. Как и демонстративное ношение мирянами креста – на виду, поверх одежды. Вера – дело сокровенное, крест недаром назывался нательным. Самый покров русской косоворотки с этим связан: надо, чтобы крест не вываливался случайно наружу. Это мне еще няня объясняла. Иное дело – священник, для него крест – знак его профессии, его служения. А мирянам полезно помнить, что у истинно верующих людей существовало незыблемое правило: не упоминать все имя Божие. Это безусловно относится и к религиозной символике.

– Недавно в печати было сообщение о встрече министра обороны Павла Грачева с церковными деятелями. Стороны договорились о сотрудничестве. Вскоре появилась заметка, автор которой задавался вопросом: не объявятся ли теперь в нашей армии полковые священники? И резонно пропорок свое мнение: мы – страна многонациональная, стала быть, и многоконфессиональная. Не придется ли наряду с православным священнослужителем содержать на войсковом довольствии еще и пастора, и муллу, и раввина?

– Это дело действительно требует сугубо деликатного, осторожного подхода. Так же, между прочим, как и введение в школы уроков закона Божия. В самом деле: а если в классе учится татарин? Еврей? Да, наконец, просто убежденные атеисты любой национальности? Возводить между детьми какие-то стены, грани? Это очень опасно. Хотя, правда, в гимназии Карла Мая, где довелось учиться мне, были ученики разных вероисповеданий. Были немцы-лютеране. Были евреи. Они, между прочим, вместе с нами изучали Ветхий Завет, являющийся священной книгой обеих религий. А когда было нужно – мы занимались раздельно. И никого это не уязвляло. Но то было, конечно, в условиях общественной стабильности, прочных, сложившихся традиций. В сегодняшнем наэлектризованном обществе, я думаю, религия в особенности должна оставаться частным делом каждого. Придавать какому-либо вероисповеданию статус государственной идеологии – неразумно и даже рискованно.

– Сейчас много пишут о национальной примирении, о согласии. Не будем говорить о конкретных акциях, совершенных под этим названием – таких, как освобождение усадьбы “Матресская тишина” и Лефортова. Но, видимо, потребность в каком-то новом “общественном договоре” есть: стороны убедились в бесперспективности и гибельности силового противостояния. Вы верите в национальное примирение? В гражданский мир?

– Пусть будет для начала хотя бы перемирие. А прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. Многие наши трагические конфликты в значительной мере происходят от бескультуры. От неспособности к выражению. От неумения выслушать оппонента. Убедить его. Выработать, если надо, условия компромисса. Поэтому повторю еще раз то, с чего мы начали: высокая культура примирительна по своей сути. И в этом смысле она с лихвой окупает любые затраты.

Беседу вел
Илья ФОНЯКОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ